

**«ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» КАК
«НОВЫЙ СВЯТОЙ» (ГЕРОЙ РОМАНА
А. ИВАНОВА «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»*)**

М.В. Ларина

Ключевые слова: А. Иванов, «Географ глобус пропил», лишний человек, трикстер, новый святой

Keywords: A. Ivanov, The Geographer Drank His Globe Away, superfluous man, trickster, new saint

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4–11](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4–11)

Введение

В образе главного героя романа А. Иванова «Географ глобус пропил» запечатлелись основные тенденции процесса переосмысления типа «лишнего человека» литературой рубежа XX–XXI веков: от обращения к канонической классике до постпостмодернистских искажений новой идеологической парадигмы. Сам писатель отрицает принадлежность Служкина к «лишним людям», определяя Географа как «героя своего времени». А. Иванов отмечает, что роман создавался в условиях социально-политической нестабильности 1990-х годов, когда общество испытывало глубочайшую потребность в устойчивости. Так появился Географ, живущий в соответствии с идеалом, что роднит его не с Рудиным, а с князем Мышкиным¹. Вместе с тем наличие у персонажа идеала не исключает возможности классификации его как «лишнего человека». Образ «Идиота» Ф.М. Достоевского ученые традиционно рассматривают именно в рамках этой литературно-типологической модели. Так, Е. В. Никольский отмечает: «Быть „лишним” на практике означает не столько быть выше всех в нравственном и духовном плане

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00408, <https://rscf.ru/project/23–18–00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23–18–00408, <https://rscf.ru/en/project/23–18–00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

¹ Алексей Иванов. Последний патриот // ivanproduction.ru [официальный сайт]. Электронный ресурс: <http://ivanproduction.ru/intervyu/poslednij-patriot.html> (дата обращения: 11.12.2024).

<...> сколько постоянно оставаться непонятым. Окружающие <...> будут видеть в нем смутьяна-бунтовщика или сумасшедшего и пресекать любые попытки добиться понимания. Само существование „лишнего” конфликтно, потому что обычные люди ощущают свою неполноценность рядом с ним, — однако они не склонны видеть в этом стимул к самосовершенствованию, поскольку воспринимают идеи через форму их подачи, а „лишнего человека” — через призму его телесного и психического облика. Поэтому они стараются вытолкнуть своего антагониста за пределы социума, в бездну одиночества» [Никольский, 2017, с. 9].

Методы и материалы исследования

В настоящем исследовании центральным объектом анализа стал роман Алексея Иванова «Географ глобус пропил» в его авторской редакции 2005 года. Этот художественный текст рассматривается как репрезентативный пример трансформации типа «лишнего человека» в условиях постсоветской эпохи, демонстрирующий синтез традиционного литературного архетипа с героем трикстерской парадигмы.

В качестве материалов для анализа использовался широкий корпус литературоведческих текстов, охватывающих проблематику «лишнего героя», духовного одиночества, аскезы, социальной инаковости и феномена трикстера. Среди них — монография А.Ю. Мережинской, обосновывающая эстетическую парадигму переходного культурного периода [Мережинская, 2001]; исследования Н.В. Ковтун о трикстере в современной русской прозе [Ковтун, 2022; 2023; 2024]; обобщающая статья М.Н. Липовецкого [Липовецкий, 2009]; работа Е.В. Никольского, в которой исследуются внутренние противоречия «лишнего человека» [Никольский, 2017]; а также труды А.С. Подковальниковой, А.К. Костяхиной [Подковальникова, Костяхина, 2016], М.В. Загидуллиной и А.А. Фаустова [Загидуллина, Фаустов, 2008], предлагающие разные интерпретации литературной эволюции лишнего героя на современном этапе.

Особую ценность в качестве материалов исследования представляют публичные высказывания самого автора — А. Иванова, размещенные на официальном сайте и в интервью «Комсомольской правде», где писатель прямо обозначает идеологическую позицию своего героя. Также были учтены критические рецензии и публикации в Lifejournal и научной периодике, позволяющие проследить восприятие образа Географа в профессиональной и читательской среде.

Методологическая рамка исследования основывается на междисциплинарном подходе, объединяющем литературный анализ, культу-

рологические и философские интерпретации. Компонентный анализ использован для структурного изучения образа Виктора Служкина. Особого подхода в этом контексте требуют неоднородные характеристики героя, изображенного одновременно как герой-идеолог и как трикстер. Сравнительно-типологический метод позволил проследить параллели между Служкиным и каноническими «лишними людьми» русской литературы — Рудиным, Обломовым, князем Мышкиным. Эта стратегия показала, как А. Иванов актуализирует классический тип героя сквозь призму новых историко-культурных реалий. Методом интертекстуального анализа раскрывается система авторских отсылок к классическим и современным произведениям, в том числе к роману «Идиот» Ф.М. Достоевского, произведениям И.С. Тургенева, С. Лема и Венички Ерофеева. Историко-культурный контекстуальный анализ послужил для реконструкции эстетических и социологических реалий 1990-х годов — как на уровне портрета героя, его биографии, так и через топику перехода и социальной турбулентности эпохи. Герменевтический и дискурсивный анализ был применен к ключевым эпизодам романа — школьной линейке, походу, сценам любовных конфликтов — с целью выявления философских интенций автора, включая мотив аскезы, отказа от социальной игры и поиска «совершенной любви». Лингвостилистический анализ позволил исследовать особенности языка и речевых характеристик героя: оксюморон имени, самоирония и ироническая подача философских идей, что усиливает трикстерскую модель поведения и механизм обесценивания трагического. Социологически-публицистический метод базировался на изучении интервью, рецензий и критических откликов на роман с целью отразить восприятие образа Географа читательской общественностью и выявить степень решения авторской задачи представления героя как новой формы «святости».

Объединение этих методологических инструментов обеспечило многоуровневое исследование не только образа Географа, но и трансформации архетипа «лишнего человека» в контексте постсоветской реальности. Это дало возможность выявить лежащую в основе романа синтетическую художественную структуру, где сочетания оппозиций трагизма и юмора, идеологии и разрушающей иронии, одиночества и любви формируют новую антропологическую парадигму.

Результаты исследования

Образ Служкина представляет собой переосмысленную фигуру «лишнего человека», отражающую специфику литературы 1990-х годов.

К «лишним» героя относили Я.О. Глембоцкая², А.С. Подковальникова [Подковальникова, Костякина, 2016], М.В. Загидуллина, А.А. Фаустов [Загидуллина, Фаустов, 2020] и др. Эпиграфом к роману служит фраза из «Кибериады» С. Лема: *«Это мы — опилки»*. Высказывание задает ключевую тональность текста, одновременно помещая «Географа» в ряд произведений о «маленьких людях» и отсекая попытки искать скрытый подтекст (достаточно вспомнить, что у Лема тайная полиция дотошно исследует изделия конструкторов Трурля и Клапауция, подвергая до-смотру даже опилки, но обнаруживает лишь бирку: *«Это мы — опилки»*). Авторская ставка на реализм объясняется стремлением выявить «героя времени»: так появляется образ неудавшегося ученого Виктора Служкина, который теряет работу и сталкивается с глубокими социальными трудностями и личными неурядицами. При этом вместо полного разлада с собой и жизнью герой выстраивает систему моральных ориентиров, утверждает собственный идеал.

Имя Географа уже несет в себе двойственность: с одной стороны, «Виктор» — «победитель», с другой — уменьшительная фамилия «Служкин». Подобное несоответствие прослеживается и в том, как воспринимают героя окружающие. В глазах жены Нади он — *«алкоголик, нищий, шут гороховый, да еще и бабник в придачу»* (Алексей Иванов. 2021. С. 206). Мнение супруги находит отклик у большинства других персонажей.

С первых страниц задается кризисное состояние героя: изменение социальной роли, которое прослеживается в названиях глав (от «Глухонемого козлища» к «Географу»), крушение семейной жизни — Служкин лишается супружеской постели и вынужден обитать на диване; постоянные столкновения со школьной системой. Позже сам Географ декларирует свое положение «между» всеми крайностями, отказываясь играть по правилам социальной игры: *«Конечно, никакой я для отцов не пример. Не педагог, тем более — не учитель. Но ведь я и не монстр, чтобы мной пугать. Я им не друг, не приятель, не старший товарищ и не клевый чувак. Я не начальник, я и не подчиненный. Я им не свой, но и не чужой. Я не затычка в каждой бочке, но и не посторонний. Я не собутыльник, но и не полицейский. Я им не опора, но и не ловушка, и не камень на обочине. Я им не нужен позарез, но и обойтись без меня они не смогут. Я не проводник, но и не кло-*

² Глембоцкая Я. Плохой хороший человек (о Викторе Зилове и Викторе Служкине) // Lifejournal [интернет-портал]. Электронный ресурс: <https://dramsib.livejournal.com/29545.html>

ун. Я — вопрос, на который каждый из них должен ответить» (Алексей Иванов. 2021. С. 355)³.

Несмотря на это, автор не изображает героя вне социокультурного контекста и исторической эпохи. Служкин и его ближайшее окружение представляют собой поколение, появившееся на свет в конце 1960-х годов. Федосеенко среди признаков «лишнего человека» выделяет «предельную затемненность прошлого» [Федосеенко, 2008, с. 128]. В классических текстах это часто означает отсутствие у героя воспоминаний, тогда как в романе «Географ глобус пропил» подобная «неотчетливость» скорее отображает дух времени. Прошлое героев — заключительные годы брежневского «застоя», и лишь после смерти Брежнева в памяти Географа начинают оживать фрагменты школьных лет.

Ретроспективная линия сюжета является своеобразным «зеркалом» повествования об актуальных событиях: в рассказе о юности, точно так же, как и в перипетиях настоящего, «личная история» переплетается с «большой историей» страны и даже оттесняет ее на второй план. Масштаб глобальных явлений относительно жизни маленького человека придает им призрачный, фиктивный характер. Повороты истории не только не умаляют «маленьких трагедий», но заостряют их.

Уже в детстве очерчиваются характеры героев. Маленький Витя Служкин, скоморох и грубиян, восстает против школьного формализма. Реагируя на известие о смерти Брежнева, он остро чувствует историческую нестабильность, «как черная пустота, разведая, растекается над страной, и все зло, что раньше было крепко сковано и связано, освободилось и теперь только выжидает» (Алексей Иванов. 2021. С. 110). В то же время для Будкина похороны главы государства — не такое печальное событие, так как эта смерть ненадолго избавляет героя от страха: пока американский президент находится в СССР, «они атомную войну-то не начнут» (Алексей Иванов. 2021. С. 119). Служкин острее Будкина и других ребят чувствует фальшь школьной системы, частью которой он невольно станет во взрослом возрасте. Показателен эпизод траурной линейки. Само мероприятие навеивает лишь скуку, а военрук, от которого испуганный Витя ждет ободряющих слов, отправляет мальчика сообщить директрисе о протекшей канализации.

В «школьных эпизодах» констатируется зарождающаяся «лишность» Служкина. Поэт и балагур, в школе он не находит применения своим талантам, сталкивается с непониманием со стороны учителей. В сохра-

³ Здесь и далее страницы цитирования указаны в скобках по изданию: Иванов А. Географ глобус пропил. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 412 с.

нившихся в памяти фрагментах Витя живет в квартире один: родители в отъезде. Отношения с девушками у него не складываются, при этом в классе Витя выполняет роль клоуна. «Оторван от коллектива», как обозначат состояние героя на совете дружины. Подобная «неприкаянность» останется его отличительной чертой и во взрослом возрасте.

Служкин — перспективный ученый — в результате коллапса системы утратил свою профессиональную нишу. Научная работа теряет свою актуальность — теперь на первый план выходит простая борьба за выживание. Положение «лишнего» специалиста обостряется еще и узкой направленностью образования героя: на собеседовании он называет ботанику, зоологию, анатомию, общую биологию и органическую химию как возможные дисциплины для преподавания, но устроиться по своему профилю ему едва ли удастся. Авторская ирония заключается в том, что герой вынужден преподавать экономическую географию страны, экономика которой развалилась, а география меняется на глазах⁴. Итак, Географ — «лишний человек» и с социальной, и с исторической точки зрения: он остается одиноким и отверженным близкими, жена уходит к его лучшему другу. Безысходное одиночество Служкина коренится не только в отвергнутости и предательстве, обстоятельствах, традиционно присущих романтическому герою, но и в осознании Географом собственной исключительности, избранности и, как следствие, болезненной сосредоточенности на себе.

Идеал Служкина — «жить как святой»: *«Я для себя так определяю святость: это когда ты никому не являешься залогом счастья и когда тебе никто не является залогом счастья, но чтобы ты любил людей и люди тебя любили тоже. Совершенная любовь, понимаешь? Совершенная любовь изгоняет страх»* (с. 277). Любовь — один из важнейших аспектов создания образа «лишнего человека». Как отмечает Н. Г. Федосеенко, в ситуации любви традиционные романтические элементы значительно трансформируются: романтическое в образе «лишнего» героя приобретает комический оттенок; неспособность полюбить все-таки оказывается тайной, потенциально сохраняющей высший романтический смысл [Федосеенко, 2008, с. 128]. «Неспособность любить» у Географа трансформируется в принцип «никому не быть залогом счастья». Выстроенная в романе система женских образов иллюстрирует путь героя в этом контексте [Ларина, 2024, с. 164].

⁴ Глембоцкая Я. Плохой хороший человек (о Викторе Зилове и Викторе Служкине) // Lifejournal [интернет-портал]. URL: <https://dramsib.livejournal.com/29545.html>

Отношения Служкина с женщинами сплетены в сложный узел. Надю, жену, пытающуюся сохранять брак ради их общей дочери, Географ отпускает к Будкину. Саша Рунева, его «несложившаяся любовь», видит в Служкине лучшего друга и обращается к нему за советом в романтических делах. При этом Саша со школьных лет любит Будкина. Ветка, одноклассница Будкина и Служкина, пытается превратить Географа в своего любовника. Кира Валерьевна — учительница немецкого, любовница Будкина и мимолетное увлечение Служкина — тоже не задерживается в его сердце. Особняком стоят Маша, ученица, в которую влюбляется Географ, и Лена, его первая любовь. Однако каждый раз, когда близость становится возможной, Служкин предпочитает бежать и утешаться алкоголем [Ларина, 2024, с. 165]. А. Иванов объясняет эту особенность героя следующим образом: «Его пьянство — реакция на обстоятельства. Он пьет не от тоски, не от счастья и не от безысходности. Он пьет тогда, когда надо совершить подлость, а ему не хочется этого делать. Служкин заменяет подлость свинством. Он не гордый, он не встанет в позу и не будет обличать, он смиренно нажрется и самоустранится от дурного поступка»⁵. Мотив «побега в пьянство» как вариант аскезы и «неучастия в жизни» встраивает Географа в один ряд с другими героями, от Венички Ерофеева, Алиханова С. Довлатова до Петровича В. Маканина⁶.

Цепь взаимоотношений Служкина с женщинами так или иначе связана с его «идеологическим оппонентом» Будкиным. Пара «Служкин — Будкин» выступает современной версией классической дихотомии «Обломов — Штольц». Для Будкина наивысшая ценность и главное положительное качество — «умение жить». Как и Географ, он декларирует независимость от окружающих, но под этим понимает способность организовать комфортное материальное существование. Будкин окру-

⁵ Писатель Алексей Иванов: «Географ не алкаш, он пьет, когда надо совершить подлость» // Комсомольская правда [официальный сайт]. Электронный ресурс: <https://www.perm.kp.ru/daily/26157/3045610/>

⁶ См: Лугарич В.Д. Опьянение советским прошлым в современном русском романе: от реставрации до рефлексии, от тотальности до руин // Сборник Матице Српске за славистику 103. Нови Сад: Матица Српска. Одељење за књижевност и језик., 2023. С. 215–230; Ковтун Н. In vino veritas, или Об особенностях винопития в Кызыле и Париже (версия Р. Сенчина) // Сборник Матице Српске за славистику 103. Нови Сад: Матица Српска. Одељење за књижевност и језик, 2023. С. 271–286; Ковтун Н. Между Байроном и зайцем, или Образ Пушкина в зеркале *Заповедника* С. Довлатова // Matica Srpska Journal of Slavic Studies. 2024. № 105. С. 103–123.

жен обожательницами, но никого из них не любит по-настоящему: ему нужна женщина, ценящая именно его навык «умело жить», а не жизнь как таковую. Служкин же, подобно классическому «лишнему человеку» Обломову, ставит во главу угла саму жизнь и человека в ее потоке:

«... придуши их, как свиней, да и все.

— *Не могу я, как ты не понимаешь! Я человека ищу, всю жизнь ищу — человека в другом человеке, в себе, в человечестве, вообще человека!.. Так что же мне, Будкин, делать? Я из-за них даже сам человеком стать не могу — вот сижу тут, пьяный, а обещал Татке книжку почитать!.. Ну что делать-то? Доброта их не пробивает, ум не пробивает, шутки не пробивают, даже наказание — и то не пробивает!.. Ну чем их пробить, Будкин?..*

— *Чем черепа пробивают, — хехекал Будкин»* (с. 209).

Именно появление Будкина в качестве нового соседа окончательно разрушает семейную жизнь Служкина. Примечательно, что Географ сам приводит друга домой, знакомит с женой, советует ей Будкина в качестве новой любви. Такая разрушительная «деятельность» Служкина противопоставляется мертвой рутине школьной жизни, вне школы же — примитивности ценностных ориентиров окружающих его людей и внешней безнадежности существования.

Не находя себе места в современном обществе, Географ стремится на природу. Герой бежит от школы с ее истлевшими прописными истинами и от Слова: *«Мне кажется, писать — это грех. Писательство — греховное занятие. Доверишь листу — не донесешь Христу. Поэтому, какой бы великой ни была литература, она всегда только учила, но никогда не воспитывала. В отличие от жизни»* (с. 226). Такой «школой жизни», своеобразным обрядом инициации для Служкина и его учеников становится поход. Главы, повествующие о походе, написаны от первого лица. Служкин, напившийся, чтобы не выгонять Градусова, из «командиров» разжалован в «Географа» — с этого момента он становится сторонним наблюдателем. В данной роли Географ остается и в кульминационный момент, когда с обрыва следит, как его ученики самостоятельно проходят порог. Герой — не только «ненадежный рассказчик», периодически проваливающийся в пьяное забытие, но и ненадежный «помощник», если использовать ролевую терминологию, разработанную В. Проппом. Вместо того чтобы указывать путь, Географ отправляет учеников в плавание «без руля и без ветрил», лишь иногда претендуя на то, что контролирует ситуацию.

Характерный для литературы о «лишнем человеке» мотив скитания реализуется специфически. С самого начала ясно, что поход от-

клоняется от маршрута: герои проезжают нужную станцию. В завершение пути, когда Служкин вместе с Машей отправляется на поиски деревни, становится очевидным, что дорога Географа не имеет определенного конечного пункта: в деревне их никто не пускает на постой, а «отцы» в это время самостоятельно отправляются переплывать Долган. Сцена в пекарне раскрывает суть похода. Служкин отказывается от любви к Маше, потому что *«тогда все мое добро оказалось бы просто свинством»* (с. 391).

Он нарушает свой принцип — становится «залогом счастья» для юной девушки, однако Географ не присваивает ее любовь, отпускает, тем самым обретая внутреннее равновесие и осознание собственного предназначения. *«Мы проплыли по этим рекам — от Семичеловечьей до Рассохи — как сквозь утробу этой земли, — от древних капищ до концлагерей. Я лично проплыл по этим рекам, как сквозь свою любовь, — от мелкой зависти в темной палатке до вечного покоя на пороге пекарни. И я чувствую, что я не просто плоть от плоти этой земли. Я — малое, но точное ее подобие. Я повторяю ее смысл всеми извилинами своей судьбы, своей любви, своей души. Я думал, что устроил этот поход из любви к Маше. А оказалось, что я устроил его просто из любви. И может, именно любви я и хотел научить отцов — хотя ничему я не хотел учить. Любви к земле, потому что легко любить курорт, а дикое половодье, майские снегопады и речные буреломы любить трудно. Любви к людям, потому что легко любить литературу, а тех, кого ты встречаешь на обоих берегах реки, любить трудно. Любви к человеку, потому что легко любить херувима, а Географа, бивня, лавину, любить трудно. Я не знаю, что у меня получилось. Во всяком случае, я, как мог, старался, чтобы отцы стали сильнее и добрее, не унижаясь и не унижая»* (с. 390). Так в произведении актуализируется «сюжет Лабиринта», переживание кризиса провоцирует необходимость в движении, смене ситуации [Ковтун, 2023, с. 276]. Эпизоды похода показывают, что к «поступку» герой как истинный «лишний человек» не готов: он самоустраняется от руководства учениками, бросает их в трудную минуту, отказывается от Маши. Но, возможно, «поступком» (по М. Бахтину) Служкина парадоксальным образом и становится его рефлексия [Ларина, 2024, с. 167]?

Заключение

В заключение важно отметить, что, несмотря на внешний непрезентабельный вид и социальную неустроенность, Служкин предстает перед читателем как фигура глубоко многогранная и притягатель-

ная, «яркая, своеобразная, сложная и занимательная личность»⁷, в которой сочетаются черты мыслителя и поэта, блестящего рассказчика и романтика, хранителя исторической памяти и Географа не по профессии, а по призванию, по способу восприятия мира. Его история — не столько набор фактов биографии, сколько философия, самобытный способ взаимодействия с реальностью, где география становится метафорой духовного поиска. Именно поэтому каждое взаимодействие с Географом для учеников оборачивается подлинным Событием, моментом взросления, пробуждения, формирования собственной идентичности.

Служкина можно охарактеризовать как «лишнего человека» конца XX века, но его образ не замыкается в проблематике трагического одиночества или социальной маргинальности. Героя спасает способность к самоиронии, к смеху над собой и над абсурдностью окружающего мира. Трикстерские черты Географа — умение обесценивать трагизм, превращать драму в игру, боль в рассказ — одновременно и способ выжить, и знак жизненной силы, витальности. Не отказываясь от страданий, он умеет с ними мириться, сосуществовать, превращая превратности судьбы в источник творчества.

В этом смысле герой выступает носителем традиционной для русской литературы философии надежды. Образ Географа реализуется как попытка найти точку опоры в эпоху неустойчивости, увидеть будущее. В отличие от классических «лишних людей» XIX века, погруженных в меланхолию и бездействие, в отличие от интеллектуалов XX века, потерянных на периферии исторических катастроф, Служкин наделен рядом ролей, рассчитанных на перспективу: свидетель времени и его интерпретатор, воспитатель, способный передать ученикам опыт внутреннего выбора. Потребность в подобном герое на рубеже столетий обусловлена необходимостью перехода от отчаяния к надежде, от внутреннего распада к возможности нового смысла.

Библиографический список

Загидуллина М.В., Фаустов А.А. Аватары «лишнего человека» в современном литературном и гуманитарном пространстве // Челябинский гуманитарий. 2020. № 2 (51). С. 37–55.

Ковтун Н.В. In vino veritas, или Об особенностях винопития в Кызыле и Париже (версия Р. Сенчина) // Сборник Матице Српске за сла-

⁷ Ребель Г.М. Уроки Географа // ivanproduction.ru [официальный сайт]. Электронный ресурс: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/uroki-geografa.html>

вистику 103. Нови Сад : Матица Српска. Одељење за књижевност и језик., 2023. С. 271–286.

Ковтун Н.В. Трикстер как герой нашего времени. На материале русской прозы второй половины XX–XXI века. М.: ФЛИНТА; Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2022. 409 С.

Ковтун Н. Между Байроном и зайцем, или Образ Пушкина в зеркале Заповедника С. Довлатова // *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*. 2024. № 105. С. 103–123.

Ларина М.В. Образ героя времени в русской и немецкой прозе рубежа XX–XXI веков : дис. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2024. 242 с.

Липовецкий М. Трикстер и «закрытое» общество // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 6 (100). С. 224–245.

Лугарич В.Д. Опыянение советским прошлым в современном русском романе: от реставрации до рефлексии, от тотальности до руин // *Зборник Матице Српске за славистику 103. Нови Сад: Матица Српска. Одељење за књижевност и језик*, 2023. С. 215–230.

Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи: русская проза 80–90-х годов XX века. Киев: Киевский университет, 2001. 433 с.

Никольский Е.В. Еще раз о проблеме «Лишнего человека» в русской классической литературе // *Art Logos*. 2017. № 2 (2). С. 7–22.

Подковальникова А.С., Костяхина А.К. Эволюция типа лишнего человека в романе А. Иванова «Географ глобус пропил» // *Инновации в науке*. 2016. № 3–2 (52). С. 124–128.

Федосеенко Н.Г. И.С. Тургенев: к вопросу о «лишнем человеке» // *Вестник СПбГУ. Язык и литература*. 2008. № 3–2. С. 125–132.

Источник

Иванов А. Географ глобус пропил. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 412 с.

References

Fedoseenko N.G. I.S. Turgenev: To the Question of The Unnecessary Man. *Vestnik SPBGU. Yazyk i literatura* = Bulletin of St. Petersburg State University, 2008, no. 3–2, pp. 125–132. (In Russian).

Kovtun N. Between Byron and the Hare, or Pushkin's Image in the Mirror of S. Dovlatov's Preserve. *Zbornik Matice Srpske za slavistiku* = Matica Srpska Journal of Slavic Studies, 2024, no. 105, pp. 103–123. (In Russian).

Kovtun N.V. Trickster as a Hero of Our Time. On the material of the Russian Prose of the Second Half of the XX–XXI Century. Moscow, 2022. 409 pp. (In Russian).

Kovtun N.V. In *Vino Veritas, Or on The Peculiarities of Wine-Drinking In Kyzyl And Paris (Version by R. Senchin)*. *Matitsa Srpska Zhurnal slavistiki* = Matica Srpska Journal of Slavic Studies, 103, 2023, pp. 271–286. (In Russian).

Larina M.V. The image of the hero of time in Russian and German prose at the turn of the 20th and 21st centuries. Thesis of Philol. Cand. Diss, Ekaterinburg, 2024. (In Russian).

Lipovetsky M. Trickster and the Closed Society. *Novoe literaturnoe obozrenie* = New Literary Observer, 2009, vol. 100, no. 6, pp. 224–245. (In Russian).

Lugarich V.D. The Intoxication of the Soviet Past in the Contemporary Russian Novel: From Restoration to Reflection, from Totality to Ruins. *Zbornik Matitse Srpske za slavistiku* = Proceedings of the Matitsa Srpska for Slavic Studies, 103. Novi Sad, 2022, pp. 215–230. (In Russian).

Merezhinskaya A.Yu. Artistic Paradigm of the Transitional Cultural Era: Russian prose of the 80–90s of the XX century, Kiev, 2001, 433 pp. (In Russian).

Nikolskii E.V. Once again on the Problem of the “Unnecessary Man” in Russian Classical Literature. *Art Logos*, vol. 2, no. 2, pp. 7–22. (In Russian).

Podkovalnikova A.S., Kostyakhina A.K. The Evolution of The Type Of The Unnessesery Man In The Novel By A. Ivanov “The Geographer Drunk His Globe Away”. *Innovatsii v nauke* = Innovation in Science, vol. 52, no. 3–2, pp. 124–128. (In Russian).

Zagidullina M.V., Faustov A.A. Avatars of the “Unnecessary Human” in Contemporary Literary and Humanitarian Space. *Chelyabinskii gumanitarii* = Humanitarian of Chelyabinsk, vol. 51, no. 2, pp. 37–51. (In Russian).

Source

Ivanov A. The Geographer Drunk His Globe Away, Moscow, 2021, 412 p. (In Russian).